

что учиться ему больше не зачѣмъ, что пора привыкать къ отцовскому дѣлу, и взяли его домой.

Оедя сталъ проводить время въ лавкѣ, присматриваться къ торговлѣ, помогать мясникамъ. Въ свободное время онъ читалъ дома священное писаніе и Четьи-Минеи, а по праздникамъ прилежно посѣщалъ приходскую церковь, пѣлъ тамъ на клиросѣ, читалъ, чѣмъ заслужилъ особое расположеніе богомольныхъ стариковъ.

Случилось, что какъ-то разъ зимою въ 1804 году Оедоръ вернулся съ матерью изъ гостей. Ихъ встрѣтилъ встревоженный отецъ и спросилъ:

— Видѣли ли вы, какъ около вечера измѣнилось и потемнѣло солнце?

— Нѣтъ, не видѣли.

Оедя впился глазами въ говорившаго отца. Въ тотъ день было холодно, и его не выпускали изъ комнаты.